

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

ВОСПИТЫВАЙ И УПРАВЛЯЙ: О ПОСРЕДНИКАХ ИЗ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ И БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В XIX В.

Михаил Ходарковский, член редакционного совета журнала, профессор

Чикагский университет им. Лойолы (США)
60611, Chicago, IL, 507 Crown Center
E-mail: mkhodar@luc.edu

В статье рассматривается один из важных аспектов имперских завоеваний и колонизаций – формирование групп посредников, которые обеспечивали бы связь между правительством империи и местными обществами Азиатской части России. Работали ли они переводчиками, государственными чиновниками или офицерами, везде перед ними стояли схожие функции. Происходя из национальных окраин, они по различным, но главным образом принудительным причинам, оказались в России, где получили образование на русском языке и были отосланы назад в свои родные регионы. Они были основными посредниками между различными культурами и цивилизациями, а так же главным фильтром той информации, которой обменивались российские власти и местные сообщества. Такие люди существовали в истории всех империй и без них, имперские завоевания и имперская политика были бы невозможны. В статье рассмотрены несколько таких персоналий и проведено краткое сравнение национальной элиты Российской империи и Британской Индии.

Ключевые слова: империя, колонизация, идентичность, посредники, русификация, национальные элиты

GROOM AND GOVERN: NATIVE INTERLOCUTORS IN NINETEENTH-CENTURY ASIATIC RUSSIA AND BRITISH INDIA

Khodarkovskiy Mikhail

Member of editorial board, Professor
Chicago University Loyola (USA)
507 Crown Center, 60611, Chicago, IL
E-mail: mkhodar@luc.edu

This essay focuses on one particular aspect of the imperial conquest and colonization—a group of the indispensable intermediaries who provided the first and crucial link between the imperial government and indigenous societies in Asiatic Russia. Whether they served as interpreters, government officials, or military officers, they shared a similar background. They were the native sons who, for various but mostly coercive reasons, found themselves in Russia, where they were schooled in Russian and sent back to the regions of their origin. They were a focal point of contact between the different cultures and civilizations, and a critical filter of information that flowed between the Russian authorities and native societies. Such individuals existed in the history of all empires and without them the imperial conquest and rule would have been impossible. Below I will discuss a few such individuals and offer a brief comparison between the indigenous elite in the Russian empire and in British India.

Keywords: Empire, colonization, identity, interlocutors, russification, ethnic elites

Общепризнано, что лучший способ создания местной элиты для нужд империи, это ее русификация. Именно поэтому русское правительство все чаще и чаще призывало открывать школы для детей местной элиты. В 1770-х гг. астраханский губернатор Кречетников предположил, что это лучший способ познакомить коренных жителей с русским укладом жизни и «тогда больше не придется брать пленных и местные

сами будут принимать Православие» [цит. по 3, с. 60]¹. В 1838 г. командир специального кавказского корпуса генерал Е.А. Головин посоветовал военному министру А.И. Чернышеву «создать как можно больше мусульманских школ для возможности влиять на [коренных] жителей», и таким образом ослабить влияние ислама [7, с. 142].

Но открытие региональных школ было мучительно медленным. В 1841 году Шора Ногма, кабардинский ученый и в то же время секретарь Кабардинского Временного суда, подал петицию русскому военному правительству на Кавказе об открытии школы для кабардинских детей дворян в Нальчике. Петиция была распространена, и, кроме пункта о преподавании турецкого и арабского языков, исключенных из школьной программы, была быстро одобрена военными властями, в том числе военным министром Чернышевым. Петиция нуждалась только в одобрении Николая I, но когда она попала ему на стол, император решил уничтожить проект. Его аргумент был прост: ассимиляция подрастающего поколения будет лучше осуществляться, если их поместить в русскую школьную среду, а не создавать специальные школы для местных. Местная молодежь, отметил Николай I, должна вступать в русскую армию и обучаться там как кантонисты, или должны быть отосланы в школы при казачьих полках, расположенных вдоль границы [8, с. 137-143].

Хотя темп учебной деятельности был медленным из-за нехватки ресурсов и учителей, количество местных детей, обучающихся в российских школах, продолжало неуклонно расти. В 1850-87 годах, из 7181 выпускников гимназии Ставропольского края, почти четверть (а имеется 1739 студентов) были из числа коренного населения [10, с. 243-248].

К концу XIX и началу XX вв. региональные школы формировали новые классы из числа местных жителей. Но в нач. XIX в. аккультурация национальной элиты происходила в столице империи. Аккультурация и ассимиляция представляли собой разные уровни русификации и не всегда являлась синонимичными. В конце концов, те, кто полностью ассимилировался – как правило, молодые люди, принявшие христианство, закончившие русскую школу, которые выглядели и вели себя как русские – могли быть наделены определенными полномочиями в их родных сообществах. В то время как ассимиляция была всегда предпочтительна, в нач. XIX в. российские власти стали заинтересованы в ином типе аккультурированного представителя местного населения – в таком, который бы представлял русские интересы, не теряя влияния на родное общество. Такой человек мог бы носить русскую военную форму или гражданскую одежду русского чиновника, но оставался частью родного общества, говорил на родном языке и исповедовал ислам. Другими словами, русская империя нуждалась в большом количестве посредников, которые могли бы служить в качестве канала для передачи российских правовых, политических и культурных идей в местную среду.

Рассмотрим несколько таких персоналий в Азиатской части России. Шора Бек-Мирза Ногма (Ногмов) родился в 1794 году в небольшом Кабардинском ауле недалеко от Пятигорска (Бештау). Шора готовился стать муллой, и после учебы в местном мектебе (исламская начальная школа), он был отправлен продолжать религиозное обучение в престижной медресе в Эндери в Центральном Дагестане. Окончив медресе в 1812 году, он вернулся муллой в родной аул. Через несколько лет он был выбран секретарем (дефтердар) в Кабардинном Временном суде, созданным генералом Ермоловым в 1822 г.

В это время он уже хорошо владел пятью языками, кроме своего родного кабардинского: арабским, кумыкским, абазинским, персидским и русским, и работал над созданием алфавита для кабардинского языка. Стремясь попасть в столицу, где он мог более полно удовлетворить свой интерес к языкам и истории, в 1828 году Ногма ходатайствовал о том, чтобы присоединиться к вновь образованной черкесской гвардии в столице.

¹ Для сравнения Mekteb-i Ashiret-i Hümayun, Имперская школа для элиты нетурецких народов в Османской империи была основана в Самбуре в 1892 г. и просуществовала до 1907 г.

В качестве нового члена черкесской гвардии, Шора Ногма очутился под командованием выдающегося адыгейского князя Хан-Гирея. Еще не так давно в начале 1800-х, отец Хана-Гирея, Мухаммед-Гирей, привлеченный предложением от российских властей, пересек реку Кубань, отделявшую Османскую империю от российских окраин, и поселился на российской стороне. В соответствии со сложившимися традициями среди коренных народов Северного Кавказа, Хан-Гирей был отправлен в родную деревню своего отца, чтобы провести там свои юношеские годы. В январе 1830 г. Хан-Гирей, уже отличившийся в войнах России против персов и османов между 1826-29 гг. и удостоенный высших наград, поступил в черкесскую гвардию в звании лейтенанта русской армии. Безупречный офицер и хорошо образованный светский человек, Хан-Гирей был встречен в литературных салонах столицы, где он лично познакомился со многими российскими литераторами, в том числе с А. С. Пушкиным.

В столице Шора Ногма продолжал активно удовлетворять свои интеллектуальные интересы: установил тесные связи с несколькими профессорами Санкт-Петербургского университета, изучал языки, и посвятил большую часть своего времени созданию первой грамматики кабардинского языка. По возвращении в Кабарду в 1838 г. он был назначен секретарем Кабардинского Временного суда и был вправе выбирать из местных жителей кандидатов на обучение в военных учебных заведениях в столице, гимназии Ставропольского края и черкесской гвардии. На протяжении всего этого времени Ногмов продолжал работать над грамматикой кабардинского языка и алфавитом, основанном на кириллице, а также собирал и переводил адыгские сказки и легенды. Хотя его грамматика осталась незавершенной, его коллекция адыгских сказок была издана на русском языке в 1861 году под названием «История адыгейского народа».

В конце 1830-х Хан-Гирей завершил свой трактат "Заметки о Черкесии", составление черкесского алфавита на основе кириллицы, и начал записывать адыгский фольклор, рассказы, и истории. Николай I называл Хан-Гирея " Черкесским Карамзиным ", что позднее, однако, не спасло его «Заметок о Черкесии» от запрета на публикацию. Вскоре после преждевременной смерти Хана-Гирея в возрасте 34 лет, его коллекция исторических сказок появилась в публикации под названием «Черкесские предания».

В конце имперского и раннего советского периодов, в частности, Хан-Гирей воспринимался как основатель историко-литературной традиции Западных адыгов, черкесов, в то время как Шора Ногма - восточных адыгов, кабардинцев. Но это несколько не означает, что не было других попыток фиксации местных традиций и самобытности. Например, первые попытки создать адыгский алфавит и перевести Коран на адыгский были сделаны в начале 1820-х гг. Эфенди Мухаммедом Шапсуговым и Нотауком Шеретлуком. Но любые подобные попытки жестко пресекались улемами, для которых единственным письменным языком был арабский - священный язык священной книги [9, с. 236-237; 8, с. 33-37]. Кроме того, в конце XVIII – начале XIX вв., несколько видных мусульманских правоведов на севере Дагестана внесли важный вклад в изучение шариата и исламского дискурса, но не предприняли никаких попыток, чтобы создать алфавиты для местных языков или рассмотреть вопросы местной истории и культуры [6, с. 111; 2, с. 359-366, 382-392].

Задача построения этнической идентичности была возложена на обрусевшую местную элиту, русских ученых и представителей правительства. В конце концов, концепция этнической идентичности была западным конструктом привнесенным через Рооссию и из России. Ирония в истории империи часто неизбежна, как и в случае с Шорой Ногмой, который наоидлся под большим влиянием А. Й. Шёгрена – финна, обучавшегося в шведской гимназии, в тот период, когда его родина была частью Швеции, и который позднее продолжил писать на шведском языке. После того, как Финляндия была присоединена к Российской империи в 1809 г., Шёгрэн стал проводником западных идей на периферии российской империи и был удостоен зва-

ния члена Российской Академии Наук. Обрусевший шведский финн принес современные европейские представления об этничности, филологии и историографии на Северный Кавказ! Другими словами, современность пришла на Северный Кавказ в форме этничности, вскормленной внутри Российской колониальной империи. «Империя позитивного действия» родилась задолго до того, как советская политика индигенизации была введена в действие.

* * *

В разное время представительственные чиновники предлагали сравнить Российский имперский опыт с опытом британских колоний в Индии, и французских в Алжире. В 1842 году верховный главнокомандующий российских войск на Кавказе, Е. А. Головин и военный министр А.И. Чернышев предложили императору идею о полезности использования этого опыта на Кавказе.

Однако они были не правы. Британия в частности имела другие проблемы и интересы в Индии. Британская Ост-Индская компания полагалась на британских резидентов при дворах автономных махараджей, использовала богатых индийских агентов как посредников, и полагалась на местные суды для того, чтобы сохранить свой контроль над торговлей и налогами. В Индии было слишком мало британцев чтобы сделать что-то еще. Но в отличие от русских, британцы начали раньше собирать информацию для создания законов, местных школ и колледжей, переводить с санскрита на местные диалекты и английский, и распространять эти знания среди британцев. В конце концов, в 1888 г., когда Ганди прибыл в Университетский колледж в Лондоне, он приехал изучать именно *индийские законы!*

Колледжи санскрита в Дели, в Варанаси и других городах нанимали местных ученых мужей за государственную зарплату для перевода научных текстов с английского, в то время как англичане изучали санскрит и индуистские законы в Оксфорде и Кембридже. В 1834 г. британский политик и историк Томас Бабингтон Маколей предложил новый подход для распространения британских интересов в Индии: «невозможно воспитать основную массу людей, с нашими ограниченными средствами. В настоящее время мы должны сделать все возможное, чтобы сформировать класс, который сможет выступать посредником между нами и миллионами тех, кем мы управляем; класс людей, индусов по крови и цвету, но англичан по стилю, мнениям и по интеллекту» [5, с. 721-729]. Действительно, в результате новой политики, озвученной Маколеем между 1830-1850-х гг., новый тип манши (Munshi – звание местного секретаря, клерка) уже появился в Индии. Они были хорошо образованы, говорили и читали по-английски. Многие из них получили образование на английском отделении колледжа в Дели и бегло говорили на персидском, хинди, санскрите и английском языках.

* * *

Но если Россия была далеко позади в сборе информации, развитии опыта и подготовки собственных славянских востоковедов, она опережала Великобританию в области конкретной политики и методов управления. К тому времени, когда Маколей призывал опираться на элиту индусов с британским образованием для управления Индией, русские уже имели большой опыт по интеграции и использованию местной элиты для продвижения последних новшеств империи. Выше мы упомянули двоих из них, Шора Ногму и Хан-Гирея на Северном Кавказе. Но были сотни подобных обрусевших местных жителей на службе Российской империи.

В числе наиболее заметных фигур был знатный казах, Чокан Чингисович Валиханов (Мухаммед Ханафи Вали Хан). Его отец Чингис получил образование в школе при сибирском казачьем войске, дослужился до звания майора, и стал незаменимым помощником российским ученым, интересующимся казахским фольклором и обычным правом. В возрасте 12 лет Чокана отправили на обучение в Омский кадетский корпус. После его окончания в 1853 году в возрасте 18 лет, Чокан стал специалистом

по Центральной Азии, позднее работал на Азиатский департамент в Санкт-Петербурге, а также собирал информацию о регионе и его народах.

Другим примером являлся Катти Гирей, черкесский потомок крымской княжеской линии, выросший в шотландской миссии на Северном Кавказе. Он обучался теологии в Шотландии, женился на англичанке, и вернулся в Россию, чтобы стать активным пресвитерианским миссионером и педагогом в Крыму [4, с. 62-107]. Другим таким неофитом был Мухаммед Али Казем-Бек, позже известный как Александр Касимович Казем-Бек. Потомок благородной и известной азербайджанской фамилии из Дербента, эрудит и блестящий ученый, Казем-Бек стал гордостью шотландской миссии в Астрахани. Но, к сожалению, правительство России было полно решимости вывести его из-под влияния шотландских миссионеров. Ему запретили выехать в Шотландию и призвали на русскую службу. В 1825 году Казем-Бек был послан в Сибирь, чтобы преподавать в Омской азиатской школе. В конце концов, огромные таланты Казем-Бека оказались настолько очевидными, что вместо того, чтобы стать еще одним ссыльным в Сибири, он вернулся и стал профессором Казанского и Санкт-петербургского университетов, первым выдающимся российским востоковедом [11, с. 22-44].¹

Еще одним ярким примером был Мусса Кундух (Кундухов). Родился он в семье осетинских дворян, вступил в русскую армию в качестве офицера, дослужился до звания генерал-майора и был неоднократно награжден. После победы над Шамилем, неприязнь Кундуха к российской политике в отношении местного населения заставила его организовать массовую иммиграцию в Османскую империю. В 1865 году его корабль с сотнями горцев зашел в порт османской империи на Черном море. Позже Мусса Кундух был награжден титулом генерал-пашы, и воевал в русско-турецкой войне против русских.

* * *

В Азиатскую часть российской империи входила обширная территория, населенная самыми разными народами, что неизбежно приводило к различным региональным модификациям в законах империи. Несмотря на различия между этими регионами, общим было то, что в них отсутствовали суверенные правители и государства с определенными границами. Реальность была несколько сложнее, чем Москва представляла себе, но так Москва воспринимала мир к востоку и югу от столицы, а восприятие, как известно, создает самостоятельную реальность.

Если отсутствие суверенных государств и монархов в азиатской части России помогли ясно выразить цивилизационную миссию России, это не объясняло, как управлять различными регионами, людьми, религиями. Российские власти отказывались признавать Россию колониальной империей. Вместо этого имперское подсознание продолжает вращаться вокруг идей универсального монарха и цивилизации, и веры, что когда-нибудь инородцы смогут стать русскими. Однако, миф и реальность не так легко привести в соответствие, и в результате получился чисто российский гибрид гипер акцентурированной империи и непризнаваемого колониализма.

На протяжении XVIII и XIX вв., огромные имперские амбиции требовали окончательной интеграции различных культурных ландшафтов империи в конечную русскую христианскую идентичность. Но реальность на местах не подчинялась этим долгосрочным планам, нуждаясь вместо этого в конкретной тактике и политике, адаптированной к определенным условиям. Имперские власти предпочитали положиться на местную светскую и, при необходимости, религиозную элиту. Политика кнута и пряника, была предназначена для обеспечения сотрудничества и лояльности элиты, в то время как суды, администрации, школы и миссионерская работа призваны проложить дорогу к более обширной интеграции инородцев в империю.

¹ Лев Толстой изучал арабский и тюркские языки у Казем-Бека в Казанском университете в начале 1840-х гг. [11, с. 39].

Среди многообразия конкретных политических средств, используемых для управления разнообразными этническим субъектами, входящими в состав России, одно оставалось постоянным на протяжении всего времени: управление многими народами Российской империи, языками и религиями зависело от людей, которые обладали глубокими знаниями как русского, так и их родных обществ и, таким образом, могли служить в качестве посредников между имперскими властями и коренными народами.

В Московском государстве, такие посредники, как правило, нанимались в качестве переводчиков. Некоторые из них были новообращенными, но большинство из них были бывшими русскими пленниками, которые утверждали, что изучали язык другого народа и его нравы во время своего долгого плена. Но поскольку почти все из них были неграмотными, они мало что знали о языке и культуре, в которой, по их мнению, они считали себя экспертами.

Так как взаимоотношения России с различными чужими народами расширялись, власти все чаще опирались на местных жителей, которые, по разным причинам, переняли Российский образ жизни. Только в середине XIX в. медленно модернизирующаяся Россия стала обучать свои собственные небольшие группы русских экспертов, которые изучали языки этнических групп Российской империи, их обычаи и верования. В России никогда не было эквивалента британской колониальной службы, но российские университеты предлагали краткие курсы изучения национальных языков народов Российской империи в помощь ученым и будущим государственным чиновникам.

На протяжении всего периода имперского прошлого России, подавляющее большинство культурных посредников империи вышло из туземной среды. С конца XVIII в. и в более поздний период, российские власти стали требовать, чтобы члены местной элиты посылали своих сыновей в столицу империи, чтобы получить образование при дворе императора и позднее в престижных военных училищах России. Целью правительства было воспитывать и прививать культуру молодым людям из знатных семей национальных окраин, которые могли бы стать проводниками российского влияния после возвращения в свои родные места. Другими словами, бывшие заложники должны были стать колониальной элитой.

Они сотнями приезжали из различных частей империи в столицу и возвращались к своему народу другими людьми: в форме российского офицера, говорящими на родном языке со странным акцентом, с диковинными идеями в головах, и часто, с крошечным крестиком на своих ожерельях. Они следовали по непростому пути встраивания пространства коренных народов в пределы Российской империи и, параллельно занимались поиском своего места в обществе и своей индивидуальностью. Все они были лиминальными личностями, которые существовали в разломе между двумя различными культурами и идентичностями, традиционным обществом, в котором они родились, и тем обществом, в котором они обучались.

Со временем они поняли, что империя, которой они служили, не оставляет им достаточно места для примирения множественных сторон их идентичности. Если они воспринимали себя как посредников между империей и своим народом, они были горько разочарованы. Имперские власти были заинтересованы только в их использовании в качестве инструмента государственной политики. Если они надеялись осведомить русских о нуждах и чаяниях своих собственных народов, они быстро обнаруживали, что поток информации был улицей с односторонним движением: от центра к периферии. Трактат Хан-Гирея о церкесах был запрещен, рекомендации Шоры Ногмы проигнорировали, и Чокан Валиханов уволен за призыв к справедливости к казахам. Уроженец элиты либо поддавался интересам империи или анонимно уходил на пенсию или покидал империю, как это сделал Мусса Кундух.

Это были пути, намеченные этими посредниками из коренных народов, которые по-разному пытались преодолеть пространство между своим родным миром и миром Российской империи. Метание между этими двумя полюсами представляло собой

мучительный опыт во всех империях, но в отличие от Британской колонии в Индии, политика российского государства оказывала гораздо больше давления на наивных посредников, заставляя их принимать чью-либо сторону и оставляя мало места для компромисса.

Новообразованные российские элиты из коренных народов были типичными маргинальными социальными группами, ищущими свою идентичность между старым и новым, традиционным и современным, Азией и Европой. Может быть, в конце концов, они несильно отличались от российской элиты, которая тоже была неуверена в своей индивидуальности, ища на протяжении веков место России между современным и традиционным, и между национальным государством и колониальной империей.

Список литературы

1. Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917. Montreal: McGill-Queen's University, 2002.
2. Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeindebünden zum gihad-Staat. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005.
3. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, Bloomington: Indiana University Press, 2002.
4. Kirimli H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries // Cahiers du Monde Russe, 2004, vol. 45, nos. 1-2.
5. Macaulay T. B. Minute of 2 February 1835 on Indian Education // Macaulay T. B. Prose and Poetry, comp. by Young G. M. Boston: Harvard University Press, 1952.
6. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, РАН, 2002.
7. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961
8. Жемухов С. Жизнь Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2002.
9. История народов Северного Кавказа (кон. XVIII в.-1917 г.). М.: Наука, 1988.
10. Калмыков И. Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1974.
11. Рзаев А. К. Мирза Казем-Бек. Баку, 1965.

References

1. Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917. Montreal: McGill-Queen's University, 2002.
2. Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeindebünden zum gihad-Staat. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005.
3. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, Bloomington: Indiana University Press, 2002.
4. Kirimli H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries // Cahiers du Monde Russe, 2004, vol. 45, nos. 1-2.
5. Macaulay T. B. Minute of 2 February 1835 on Indian Education // Macaulay T. B. Prose and Poetry, comp. by Young G. M. Boston: Harvard University Press, 1952.
6. Bobrovnikov V. O. Musulmane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2002.
7. Gadzhieva S. Sh. Kумыki, Moscow: Vostochnaia literatura, 1961.
8. Istoriia Narodov Severnogo Kavkaza (con. XVIII v.-1917 g.). M.: Nauka, 1988.
9. Kalmykov I. Kh. Cherkesy, Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropolskogo knizhnogo iz-va, 1974.
10. Rzaev A. K. Mirza Kazem-Bek. Baku, 1965.
11. Zhemukhov S. Zhizn Shory Nogma, Nalchik: Elbrus, 2002.